

## ЮБИЛЕЙ КАЗАНСКОЙ ПЛОЩАДИ В С.-ПЕТЕРБУРГЕ.

И вот на площади соборной  
В столице русского царя  
«Земли и Воли» флаг народный  
Взвился шестого декабря.

Из революционной песни того времени  
«Красное Знамя».

6 декабря минет 25 лет со времени первой социально-революционной демонстрации в России — демонстрации на Казанской площади в Петербурге 6 декабря 1876 г. Первая попытка открытого народного протеста разыгралась на той площади, которая до сих пор служит как бы общепризнанным революционным сборным пунктом столицы.

Казанская демонстрация 1876 г. произошла в момент перелома в направлении деятельности революционеров того времени. В 1874 г. разгромлены были пропагандисты, ушедшие «в народ», в деревню, чтобы поднимать крестьянство. Тысячи людей заполнили тюрьмы и казематы, и в ожидании грандиозного процесса 193-х (1877—1878 гг.) происходили один за другим процессы пропагандистов отдельных кружков<sup>1</sup>. Массовое движение революционеров в деревню было подорвано в корне; если еще то там, то сям устраивались «поселения» революционеров и велась более или менее успешная пропаганда, то, во всяком случае, прежнего беззаветного увлечения этим движением в массе революционеров уже не было. Остатки разбитых кружков собрались в крупных городских центрах, в той лаборатории, где непрерывно продолжался процесс воспитания новых и новых революционеров. Политическое недовольство толкало в ряды революционной партии лучшие элементы учащейся молодежи, а рядом с ней уже формировались отряды привлеченных пропагандой рабочих. Оправившись от понесенных жестоких ударов, революционеры, обогащенные опытом последних лет, снова организовались, готовясь к новому походу. Только теперь сила событий — вопреки теории — переместила главное место войны из деревни в город. И в городе же разыгралась первая попытка применения новой «бунтарской» тактики, рассчитанной на революционное воспитание народных масс при помощи всякого рода открытых протестов.

Зимой 1876 г. петербургские рабочие кружки захотели выйти из тесных рамок подпольной кружковщины и тем сообщить сильный толчок дальнейшему развитию социалистического дела. Интеллигенты-бунтари сильно упирались, не желая растрчивать свои силы на работу в городе: по их тогдашним взглядам «бунтарское» дело должно было начинаться в деревне. Но рабочие настояли на своем, и было решено устроить демонстрацию на площади перед Казанским собором во имя «Земли и Воли».

Демонстрация вышла менее внушительной, чем предполагали ее устроители. Рабочие явились, но в меньшем количестве, чем на то рассчитывали. Явилась и учащаяся молодежь. Одним из «бунтарей», Г. В. Плехановым, была произнесена речь, было развернуто красное знамя... После этого произошло нападение полиции на безоружную толпу, жестокая схватка и множество арестов.

Затем последовал процесс. На первую революционную демонстрацию правительство ответило суровым, до тех пор небывалым приговором. Пятеро из демонстрантов — Гервасий, Боголюбов, Бочаров, Чернявский и Бибергаль — были приговорены к каторжным работам (на 15 лет!), десять других — на поселение в Сибирь<sup>2</sup>.

За Казанской демонстрацией последовало еще несколько открытых протестов. Демонстрации устраивала, главным образом, учащаяся молодежь, но и рабочие принимали в них участие.

Но революционное движение не удержалось на пути открытых массовых протестов. Революционные силы были еще слишком незначительны, чтобы заставить правительство отказаться от всех тех средств подавления «бунтов», которыми оно владеет. Драконовские приговоры против революционеров и пассивное отношение широких народных слоев к открытым протестам заставили тогдашних революционеров отказаться от этого пути. Революционная борьба пала всецело на плечи организованного передового отряда движения, и эта борьба была поведена самыми отчаянными средствами. Настала пора террора, истощившего в неравной борьбе организованные революционные силы. А на смену ей пришла пора полного затишья.

Вместе с новым широким размахом революционного движения недовольные общественные элементы вновь почувствовали потребность вылить свой протест в форме уличной демонстрации. Не прошло и года после знаменитой петербургской стачки, как 4 марта 1897 г. Казанская площадь снова увидела демонстрантов, протестовавших против правительственного произвола, замучившего в тюрьме Марию Ветрову<sup>3</sup>.

Демонстрация эта, произведшая громадное впечатление повсюду, была совершена, правда, одной интеллигенцией. Рабочие организации считали себя еще слишком слабыми, чтобы рискнуть вывести на улицу рабочие массы. Но что последние не отнеслись равнодушно к протесту учащейся молодежи, — это видно из того, напр., факта, что в Киеве власти приняли ряд энергических мер, чтобы помешать рабочим идти на подобную же демонстрацию, устроенную местными студентами вслед за петербургскими.

Студенты и студентки, участвовавшие в «Ветровской» демонстрации, пострадали очень легко. Правительство Николая II еще не сочло возможным бросить вызов

солидному «обществу», стоявшему решительно на стороне протестовавших. С тем большей поспешностью оно бросилось наказывать невольную попустительницу стольких «беспорядков» — соборную площадь. Градоначальник внес в думу «предложение» (читай — приказ) разбить на революционной площади сад, который, правда, должен был исказить своеобразную красоту этой площади (самодержавию не нужны широкие перспективы!), но зато, предполагалось, насажденные мощной рукой помпадур Клейгельса деревья затруднят движение будущих демонстрантов.

Но — гнилые деревья реакции растут медленнее, чем молодые побеги революционного движения. Прошло ровно четыре года, и 4 марта 1901 г. многие тысячи демонстрантов явились на Казанскую площадь протестовать перед заранее собранным царским воинством против нового проявления произвола. И в этот раз главную массу демонстрантов составляла интеллигенция, среди которой терялись кучки рабочих. Но уже за этим протестом «общества» явственно слышался шум приближающихся «рабочих батальонов», и в то время, как на Казанской площади готовилась Клейгельсом бойня, на окраинах города принимались «предупредительные меры» против могущих явиться пролетариев.

На этот раз Казанская площадь увидела ужасное побоище. Расправа 4 марта превзошла по своей хладнокровной жестокости и гнусности все доселе проявленное царскими башибузуками. И точно так же небывалой по количеству жертв была последовавшая затем кара, постигшая — в виде высылки или ареста — сотни людей. Интересная подробность: в числе высланных за демонстрацию учащихся находилась курсистка Бибергаль, дочь того самого Бибергалья, который 25 лет тому назад был выслан на каторгу за участие в Казанской демонстрации 6 декабря. Так второе поколение протестующих проходит уже мимо могучих колонн Казанского собора... Суждено ли этому поколению сделать то, чего не могли сделать его отцы?

Демонстрация 4 марта, благодаря стараниям башибузуков Клейгельса, вызвала новый ряд протестов по всей России. Эта волна разлилась по всей стране вплоть до Сибири и Кавказа и в течение двух месяцев наполняла революционным шумом ее сонную жизнь. Прошло два месяца, и по улицам Петербурга и Тифлиса рабочие показали России, как они умеют умирать за свободу.

Предстоит ли нынешнему демонстрационному движению истощить свои силы так, как это было 25 лет тому назад, и уступить место единоличной борьбе организованных революционеров? Мы уверены, что нет. Мы уверены, что тысячи передовых рабочих и студенческой молодежи поддержат это движение и сумеют не дать ему угаснуть до тех пор, пока его подхватят десятки и сотни тысяч. А втянув в себя народные массы, это движение станет непобедимым, оно станет непосредственным прологом революции.

«Земля и Воля» — писали на своем знамени демонстранты 6 декабря 1876 г. При всей туманности этого девиза на него откликнулись и революционная молодежь и сознательные рабочие: революционное чувство недовольства побуждало протестовать независимо от того, насколько выставленный девиз выражал положительные стремления пролетариата.

«Долой временные правила!» — таков был девиз демонстрации 4 марта 1901 г. Место широкой, но несколько туманной формулы 70-х годов заняло узкое «практическое» требование, которое столь же мало, как и была туманная формула, могло выразить действительные стремления всех протестующих и тех, кто готовится их поддержать.

Русским социал-демократам предстоит теперь усиленно работать над тем, чтобы начавшееся вновь демонстрационное движение принимало все более массовый, народный характер. Но роль наша не может ограничиться тем, чтобы «втянуть» рабочую массу в противоправительственное движение, начатое теми или другими угнетенными царизмом группами. Если бы мы ограничились только этой задачей, мы бы сделали не более того, что делали при подобных условиях в 3. Европе буржуазно-демократические партии. Нам предстоит сделать нечто гораздо большее. Рабочие массы должны не только придать демонстрациям физическую силу численности и нравственную силу народности, — нет, они должны усилить революционный характер самого движения, должны положительно выразить в нем политическую программу и социальные интересы своего класса. Поверх частных поводов протеста против самодержавного произвола они могут и должны поставить общий лозунг борьбы за низвержение самодержавия и за установление демократии. И если рабочие массы под руководством организованной пролетарской партии выставят этот боевой лозунг, он удеситерит революционную силу движения; и в то же время они, став общепризнанным революционным авангардом, достигнут того, что в момент окончательной развязки общественной борьбы с самодержавием окажутся действительной политической силой, способной сознательно отстаивать свои классовые интересы против кого бы то ни было.

«Земля и Воля» — было написано на знамени социалистов-интеллигентов 70-х годов. «Политическая свобода для борьбы за социализм» — под этим знаменем рабочие займут окончательно свое место в общедемократической борьбе с царизмом.

Эта задача будет выполнена лишь в том случае, если русская социал-демократия станет действительно организованной боевой политической партией.

[Л. Мартов]

ИЗ

## НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Безгрешные доходы наших министров. Нам сообщают из Москвы: Правление общества Московско-Киево-Воронежской ж. д., председателем которой состоит г. Коковцев, сделало заказ на доставку для дороги 50 милл. пудов каменного угля организуемому обществу разработки каменноугольных копей, одним из устройств и главных пайщиков которого является другой г. Коковцев, товарищ министра финансов и брат председателя правления названной дороги. Заказ должен быть выполнен в течение 8 лет по цене 6¼ коп. за пуд (рыночная цена угля в настоящее время 6½ коп. пуд). Так как образуемому обществу требуются, надо полагать, не малые деньги для того, чтобы приступить к будущим операциям

по добыванию угля, то правление дороги любезно выдало обществу копеек (товарищу министра финансов г. Коковцеву?) аванс в размере 500 тыс. рублей. Таким образом, несмотря на то, что уголь на рынке стоит 6½ коп., г. Коковцев-председатель дает г. Коковцеву-товарищу министра по 6¼ коп. (на 50 милл. пудов разница составит, если не считать % на аванс, 125 тыс. рублей). Далее, — несмотря на то, что у общества М.-К.-В. ж. д. нет денег и для обновления и пополнения подвижного состава (плохих паровозов своих и проч.), дорога вынуждена была прибегнуть к облигационному займу, — г. Коковцев дает г. Коковцеву кругленький аванс в полмиллиона рублей.

Не знаем, выгодно ли будет эта сделка акционерам дороги, братцы же во всяком случае вряд ли останутся в накладе. Ну, а что же министерство финансов? Министерство финансов (гг. Витте и Коковцев) сделку (проделку гг. Коковцевых?) разрешило.

Еще о деревенских прокламациях. В одном из сел —ского уезда бедным и неграмотным крестьянином было получено письмо. За прочтением письма крестьянин обратился к учителю. «Прочитайте, сделайте милость. В первый раз в жизни получил — откуда и от кого придумать не могу». Письмо было прочтено учителем, и содержание его произвело на чтеца и слушателя столь сильное впечатление, что с общего согласия было решено отгравиться к о. дьякону и у него еще раз прочитать диковинное послание.

К о. дьякону гости попали весьма кстати: по какому-то делу у него оказалось человек десять мужиков.

Послание было громоздко прочитано о. дьяконом и, разумеется, произвело сенсацию, впрочем, далеко не одинакового характера. Дьякон с письмом отправился к попу, крестьяне же разбрелись по селу, каждый по-своему уразумев письмо «от добрых людей». В результате — поп отправил письмо к властям «в губернию», мужички же стали толковать, что «царь от податей ослобоняет». Когда заступок священника сделался известен на деревне, к сказанной фразе стали прибавлять: «царь не велел, а попы с господами скрывают: коли б не добрые люди, и посейчас бы платили». В этой мысли человек десять так укрепились, что простодушные люди и станомому заявили: «Свобода от податей вышла — по доброй воле платить не станем. От царя приказ вышел!». Расследовать смуту умов были командированы жандармы. Произвели, как водится, обыск у учителя, но ничего предосудительного не нашли. Тем не менее, в предотвращение развития заразы, в селе оставлен представитель царской власти — жандарм, который и по сей день проживает в «зараженном» селении.

Начальником —ской губернии дан по полиции приказ следующего содержания: «Строго предписываю волостным и сельским властям при получении противозаконных сочинений, не читая их, немедленно доставлять оные местному начальству. При этом ставится на вид то, что до сих пор означенные власти не только сами читали противозаконные воззвания злонамеренных лиц, но созывали целые сходки, на которых разбирались, довести ли о них начальству или же нет».

Еще циркуляр о борьбе с крамолой. Мин. пн. дел разослан нижеследующий конфиденциальный циркуляр (за точность передачи содержания и отдельных выражений ручаемся; точной же копии достать, к сожалению, не удалось).

Некоторые злонамеренные лица, получив заграничные виды на жительство, успевают несколько раз побывать за границей, вернуться в Россию, привезти с собой противозаконные воззвания и брошюры и распространять таковые, при чем о выдаче означенных видов департамент полиции узнает только через девять месяцев.

В виду изложенного предлагается вашему превосходительству с особой осторожностью и вниманием относиться к выдаче заграничных паспортов и своевременно уведомлять о том департамент полиции, так как в противном

случае департамент не в состоянии принять необходимых мер для борьбы с преступной деятельностью означенных лиц.

Одесса. В изданном Одесским Комитетом Партии воззвании сообщается следующий факт.

«В субботу 20 октября на Разумовской улице состоялось сионистское собрание для избрания делегатов на конгресс сионистов. Дело самое невинное, к потрясению основ никакого касательства не имеющее. Но не так показалось царской полиции, у которой от страха глаза велики. Пронюхав про собрание, полиция направилась туда. Помощник пристава Соколов приказал всем сесть и пригрозил, в случае сопротивления, призвать казаков. Затем присутствовавших переписали и в ожидании высшего начальства продержали до 4 часов утра, когда приехали Чебанов и Голвин. После насмешек и издевательств над собравшимися их начали выпускать поодиночке из залы. Но при выходе их встречали городовые и надзиратели, которые обрушивались на ничего не подозревавших людей с кулаками и шашками и нещадно били их, не щадя ни пола, ни возраста. Это возмутительное проявление беспощадного самоуправства полиции должно вызывать чувство негодования у всех, кто еще способен возмущаться надругательством над человеческой личностью». Обращаясь ко всем, терпящим от правительственного произвола, Комитет приглашает их присоединиться к борьбе за политическую свободу.

Происшествия, подобные описанным в прокламации, неизбежны в стране, где закон не ограждает прав личности. Но если они неизбежны, то было бы желательно, чтобы они действовали просвещающим образом на тех, кто, как гг. сионисты, воображают, будто бы вне политической борьбы можно разрешить какой-нибудь (в данном случае еврейский) общественный вопрос. Отвлекая еврейскую интеллигенцию и еврейскую рабочую массу от борьбы вместе с русским населением за свободу, сионисты играют в руку тому политическому режиму, который в периодических припадках самодурского бешенства подвергает дикому насилию самых мирных обывателей.

Из Ярославля пишут: Положение Ярославля довольно выгодное вследствие близости его к обеим столицам. Казалось бы, эта близость должна отзываться на культурном состоянии города. На деле этого нет. Мы все богаты: богаты торговыми рядами, богаты церквями, различными обществами велосипедистов, вольной пожарной дружиной и проч., но умственной культурной жизни нет. Благодаря отсутствию умственной жизни, известных культурных традиций, у нас могут происходить грустные вещи. В редакции «Северного Края», газеты очень почтенной,azole которой группируется вся соль г. Ярославля, служит некто Леонов, история которого следующая. Леонов — бывший студент Петербургского университета, привлекавшийся в 1898 г. по делу соц.-революционеров, сделал полное признание и выдал своих товарищей по делу. Одна клония ссыльных, где ему пришлось жить до решения дела, порвала с ним товарищеские сношения. Вот история этого господина. И что же мы видим! Несмотря на то, что история известна всем, с ним водят знакомство, сжидаются и т. д. Эта нравственная притупленность, нравственный индифферентизм все более и более распространяется среди либерального общества. «Моя хата с краю», хотя бы эта хата стояла на навозе! Заключение в свою «пачеку», в свое дело (статистика, земская служба), боязнь высовывать нос на общественную улицу, хотя бы пришлось жить и работать со всяким сбродом, настолько в'елись в плоть и кровь русского либерала, что можно считать это явление хроническим и безнадежным в смысле исцеления. В Ярославле Леонов служит в редакции и принимает участие в ярославском обществе распространения народного образования, этом детище местной либеральной публики. А в Перми не менее комфортабельно устроился еще более вредный человек — Рума. Как известно, Рума был провокатором по делам 1896—97—1900 гг. (мо-сковским). Когда часть пермской радикальной публики

подняла свой голос против Рума, либеральная публика взяла его под свою защиту. Товарищи, мы должны горячо восстать против такого индифферентизма, который терпит в своей среде таких негодяев! Не так ведет себя народ, тот «мужичек», который так дорог либералу. Он прямо говорит мерзавцу, что он мерзавец. Так, Федору Дорофееву, предателю по делу Носкова в 1898 г. и по последнему ярославскому делу 1901 г., который уже снова работает на одной из ярославских фабрик, рабочие в глаза говорят, что он шпион, и не здороваются с ним. Пора бы нашим либералам поближе присмотреться к их «идеалу» — народу и кое-чему у него научиться.

Екатеринослав. Вряд ли кто-либо из «просвещенных» администраторов, которыми правительство от времени до времени осчастлививает и наш город, был предметом таких разнузданных прощальных оваций со стороны «общества», как князь Святополк-Мирский<sup>4</sup>, когда его из узкой сферы губернаторского воздействия призвали на широкое поле деятельности всероссийского шефа жандармов. Путь от губернаторского дома до клуба, где отъезжающему был дан прощальный обед, украшен был массой арок с разноцветными плошками, которые должны были освещать, иллюминировать и, конечно, опозорить всех тех, которые после торжественных застольных речей, торжественно проводят нового жандарма домой. От избытка чувств наши отцы города и избранные представители местного общества пришли в совершенное неистовство, а их и без того не сильные умы до того омрачились, что в своем позорном адресе они пожелали даже новому шефу жандармов всяких успехов на его новом посту. И лишь после того, как улегся этот избыток чувств, дипломированный представитель общества, хлопнув себя по медному лбу, сообразил, что ведь пожелать шефу жандармов всяких успехов — значит пожелать нагайке побольше спин. Этим, конечно, не кончилось дело, и позор довершон был тем обстоятельством, что шефу жандармов поднесен был адрес и от местной комиссии народных чтений, под каковым адресом подписался весь распорядительный комитет комиссии, в полном его составе.

Тот, в ком еще циркулирует хоть одна капля благородной крови, поймет, что всякие комментарии тут совершенно излишни. Гораздо важнее уяснить себе причины

этой позорной эпопеи, и здесь мы сталкиваемся с тем курсом, который взял в последнее время наш судорожно приспособляющийся абсолютизм. Курс этот можно кратко охарактеризовать в двух-трех словах: не препятствовать и даже поощрять в культурных промышленных центрах общественную инициативу на почве просветительной деятельности (конечно, в предписанных цензурой и городовым пределах), объявив в то же время эти самые цензурные законы, даже закона российского. Для культурного обывателя получается, таким образом, иллюзия самостоятельности на почве просвещения рабочего люда, — иллюзия, которая, конечно, на каждом шагу разбивается о нагайку сбиров, призванных бесконтрольно и безответственно охранять царство временных правил и усиленной охраны, где первый встречный бандит в полицейском мундире значит больше, чем десятки лучших сынов России.

Как только наш город сделался одним из центров рабочего движения в России, как только движение это приняло характер вполне сознательного политического движения, — на сцену резко выступил новый курс и дал здесь свою иллюстрацию, настолько характерную, что она могла бы послужить прекрасным материалом для картины переживаемого нами момента.

Святополк-Мирский, действительно, больше всех своих предшественников не только не препятствовал, но даже всячески поощрял местное общество в его стремлениях к культурной деятельности. Когда некая г-жа Журавская задумала учредить вечерние классы для взрослых рабочих, он всячески покровительствовал ей. Ласково принимал как ее самое, так и ее сотрудников, и даже обещал свое содействие в деле устройства народного дома, который одно время всецело овладел умами наших культурников. Мало того. Он лично посещал народные балы, т. е. два-три вокально-музыкально-инструментальные вечера, устроенные той же г-жей Журавской для рабочих, ремесленников и домашней прислуги. Здесь он в антракте появлялся на эстраде, благодарил исполнителей-рабочих и в дружеской любезной беседе с Журавской и ее кружком изложил свои положения и виды на будущее. Правда, едва только лекторы вечерних классов попытались выйти за пределы грамоты, рисования, закона божьего и другой незатейливой культуры, на место происхождения прискакал лектор от полиции и жандармского управления и прочел лекцию о том, что собственно должно понимать под словом просвещение «с точки зрения видов правительства».

## БЕСЕДА С ЗАЩИТНИКАМИ ЭКОНОМИЗМА.

Приводим целиком присланное нам одним из наших представителей

письмо в русские социал-демократические органы.

«В ответ на предложение наших товарищей по ссылке высказаться по поводу „Искры“ мы решили заявить о причинах нашего несогласия с этим органом.

«Признавая вполне своевременным появление особого с.-дем. органа, специально посвященного вопросам политической борьбы, мы не думаем, чтобы „Искра“, взявшая на себя такую задачу, удовлетворительно ее разрешила. Основной ее недостаток, красной нитью проходящий через все ее столбцы и обуславливающий все ее остальные крупные и мелкие недостатки, заключается в том, что „Искра“ отводит весьма видное место идеологам движения в смысле их влияния на то или иное его направление. В то же время „Искра“ мало считается с теми материальными элементами движения и той материальной средой, из взаимодействия которых создается известный тип рабочего движения и определяется его

путь, совлечь с которого его не в состоянии все усилия идеологов, хотя бы и вдохновленных самыми лучшими теориями и программами.

«Этот недостаток „Искры“ особенно резко бросается в глаза при сравнении ее с „Южным Рабочим“, который, поднимая, подобно „Искре“ знамя политической борьбы, ставит ее в связь с предыдущим фазисом южно-русского рабочего движения. Такая постановка вопроса совершенно чужда „Искре“. Ставя своей целью создать „из искры большой пожар“, она забывает, что для этого необходим подходящий горючий материал и благоприятные внешние условия. Обеими руками отрешившись от „экономистов“, „Искра“ упускает из виду, что их деятельность подготовила то участие рабочих в февральских и мартовских событиях, которое она с особенным старанием подчеркивает и по всей видимости значительно преувеличивает. Отрицательно относясь к деятельности соц.-дем. конца 90-х годов, „Искра“ игнорирует отсутствие условий в то время для иной работы, кроме борьбы за мелкие требования, и то громадное воспитательное значение, которое имела эта борьба. Совершенно неправильно и неисторично оценивая этот период и это направление деятельности русских соц.-дем., „Искра“ отождествляет их тактику с тактикой Зубатова, не видя раз-

Но этот неприятный инцидент каким-то образом растворился в розовом масле диктатуры сердца, как растворилась и вся оборотная сторона этой диктатуры, завершившаяся, как известно, мариупольской кровавой баней, которую будущий шеф жандармов задал рабочим, при первой же серьезной попытке отстаивать свои самые примитивные материальные интересы, свои самые примитивные права личности.

А на этой оборотной стороне выгравирована фигура Делло, жандармского полковника из кантонистов, представляющего собою удивительную смесь старческой болтливости, глупости, невежества непроходимого, бессердечия и заплочных дел мастерства. Первые три качества служат для общества материалом увеселительных анекдотов, а его бессердечие и заплочных дел мастерство до того терроризовали и деморализовали то же общество, что его обычная гражданская трусость и животный страх за свою шкуру выродились в ежечасную, ежеминутную панику. До момента всемиловейшего призвания Святополк-Мирского на его нынешний пост это общество серьезно было убеждено, что положение последнего крайне шатко, так как, мол, старый кантонист осаждаст высшие сферы доносами на его неблагонадежное послабление и благоволение к «революционной» комиссии народных чтений. Понятно, что, когда Святополк-Мирский получил пост шефа жандармов, то все облегченно вздохнули: теперь уж старик получит отставку, и наступит конец террору. И Делло, действительно, получил... генерала.

Метод Делло столь же прост, сколь просты приемы управления бесправной страной. В ночь с 14-го на 15 апреля 1900 г. он в погоне за типографией «Южного Рабочего» устроил настоящую облаву в Екатеринослав, Кременчуге и Полтаве, при этом не пощадил ни пола, ни возраста, ни болезни, ни беременности, ни даже относительно высокого общественного положения. Во многих случаях жандармы даже не знали фамилии лиц, у которых они делают обыск и которых даже арестуют, как это было, например, при аресте помощника прис. пов. Чуйкова. Не знали они также фамилии одного из служащих в материальной службе Екатеринославской жел. дор., который никогда, кроме трепета перед начальством, ничего не испытывал, а между тем здесь разыгралась следующая сцена: ворвавшись ночью в его квартиру, они застали там обезумевшую от страха беременную жену его и мальчика лет шести, которым не дали даже одеться. На грозный вопрос ротмистра, где ее

муж, она едва в состоянии была пролепетать, что он уехал на линию и вернется с девятичасовым поездом. Тогда, перерыв все вверх дном и, конечно, ничего не найдя, они объявили ее под домашним арестом до приезда мужа и отправились продолжать свою работу, приставив к квартире городского. Часа через два, когда она уже успела уснуть после испытанного страха, опять раздается громовой стук в двери: явился жандармский унтер-офицер, при виде которого несчастная женщина упала в обморок. Долго, вкуче с приставленным городским, этот новый посланец Делло возился с ней, пока привел ее в чувство, и тогда дело разъяснилось: ротмистр забыл заставить ее расписаться на протоколе обыска. Ну, как же! Ведь мы живем в стране, во всем управляемой благодетельными законами, как с циничной иронией просвещает г. Витте г. Горемыкина!

Нужно ли прибавить, что, когда на другой день муж этой облагодетельствованной законом женщины явился в жандармское правление, то Делло, даже не глядя на него, с эпическим спокойствием заявил: «Нас мало, вас целая пропасть... дело наше большое, и недоразумения неизбежны». Буквально той же фразой он отделался тут же и от прис. пов. Лаврова, который своим трусливым запросом об обыске, вероятно, хотел просто-напросто реабилитировать себя.

Так как при такой грандиозной облаве не хватило даже околоточных надзирателей, то в дело пущены были жандармские «ундерцеры», которые, при просвещенном содействии прикомандированных к ним городских, самостоятельно производили обыски. Один из таких «ундерцеров» с двумя городскими и был отряжен произвести обыск у массажистки Скудиной-Энгель. После первого же удара в дверь она проснулась, как проснулась и ее четырехлетняя девочка, поднявшая неистовый плач. Не успела она накинуть на себя и нижнюю юбку, как раздался второй громовой удар и угроза: «двери выломаем». Пришлось выбежать в одной сорочке, в каковой она вынуждена была пробыть во все время обыска, так как ей приказали не шевелиться (таковы, конечно, были инструкции Делло). А как-то был этот обыск, видно из того, что даже пришедшее к новой кофточке клеймо с оттиснутым там «Екатеринослав, магазин Рашинского» было отшито и приложено ко всему прочему, что имелось в комнате печатного или писанного.

ницы между „борьбой за мелкие требования“, расширяющей и углубляющей рабочее движение, и „мелкими уступками“, имеющими целью парализовать всякую борьбу и всякое движение.

«Насквозь пропитанная сектантской нетерпимостью, столь характерной для идеологов младенческого периода социальных движений, „Искра“ всякое разногласие с нею готова заклеить не только как отступление от соц.-дем. принципов, но даже как переход во враждебный лагерь. Такова ее крайне неприличная и заслуживающая самого строгого и беспощадного осуждения выходка против „Рабочей Мысли“, которой она посвятила статью о Зубатове и влиянию которой приписала его успехи среди некоторой части рабочих. Отрицательно относясь к другим социал-демократическим организациям, иначе, чем она, смотрящим на ход и задачи русского рабочего движения, „Искра“ в пылу полемики с ними забывает подчас истину и, придираясь к отдельным действительно неудачным выражениям, приписывает своим противникам взгляды, им не принадлежащие, подчеркивает пункты разногласия, часто мало существенные, и упорно замалчивает многочисленные точки соприкосновения во взглядах: мы имеем в виду отношение „Искры“ к „Рабочему Делу“.

«Эта чрезмерная склонность ее к полемике вытекает прежде всего из переоценки ею роли „идеологии“ (программ, теорий...) в движении, отчасти же является отголоском междоусобной брани, которая возгорелась на Западе среди русских эмигрантов и о которой они поспешили поведать миру в ряде полемических брошюр и статей. На наш взгляд, все эти их разногласия не имеют почти никакого влияния на фактический ход русского социал-демократического движения, разве только вредят ему, внося нежелательный раскол в среду действующих в России товарищей, а потому мы не отнеслись отрицательно к полемическому задору „Искры“, особенно, когда она выходит из допусаемых приличиям рамок.

«Тот же основной недостаток „Искры“ является причиной ее непоследовательности в вопросе об отношении социал-демократии к различным общественным классам и направлениям. Решив посредством теоретических выкладок задачу о немедленном переходе к борьбе против абсолютизма и чувствуя, всю трудность этой задачи для рабочих при настоящем положении дел, но не имея терпения ждать дальнейшего накопления ими сил для этой борьбы, „Искра“ начинает искать союзников в рядах либералов и интеллигенции и в своих

На следующий день, часов в 10 утра, в губернскую земскую больницу является один из храбрых ротмистров Делло с требованием указать ему палату, где находится больной рабочий такой-то. Последнему накануне ампутировали большой палец на правой ноге и ему даже еще не успели сделать временных костылей. Обыскали его лично, обыскали его вещи в цейхгаузе, не нашли ничего, но тем не менее его положили на носилки и повезли в тюрьму. К стыду и позору русского общества, ни смотритель больницы Щетинский, ни главный врач Бутаков, ни хирург Вебер ни одним словом не протестовали против этого разбоя.

На протяжении полутора месяцев Екатеринослав пережил три такие облавы, и трудно было бы отдать какой-нибудь из них первенство в смысле проявления жандармами беспардонности. Делло не стеснялся прибегать и к ударам из-за угла. Так, например, встретившись с одним из учредителей местной зубо-врачебной школы, Львовым, он, словно невзначай, сообщает ему, что муж одной из учениц школы, г-жи Волошкевич, арестован. Понятно, что отнюдь не нужно быть таким жалким трусом, каким является затерроризованный екатеринославский обыватель, чтобы понять это сообщение Делло в смысле приказа удалить г-жу Волошкевич, что и было сделано на другой же день.

Мы ограничивались только вполне проверенными фактами, но из них мы не привели и десятой доли. Заметим в заключение, что «курс», господствовавший при «диктатуре сердца» г. Святополк-Мирского, не изменился и при г. Келлере, который, в свою очередь, тоже покровительствует просветительной деятельности, поскольку она не выходит за пределы терпимого нашим абсолютизмом культуртрегерства. Например. Воспользовавшись пушкинскими днями, некоторые представители местного общества задумали обратиться с ходатайством о разрешении основать «Пушкинское общество любителей наук и искусств». Два года ходатайство оставалось без ответа. Наконец, Келлер приглашает к себе всех членов-учредителей общества и предлагает им составить «Екатеринославское ученое общество». В числе приглашенных ученых оказался и Делло, который, так, образ., на почве беспристрастной науки лично встретился с некоторыми из тех, чью политическую благонадежность проверяли во время облав его компетентные «ундерцеры».

поисках нередко сходит с классовой точки зрения, затушевывая классовые противоречия и выдвигая на первый план общность недовольства правительством, хотя причины и степень этого недовольства у «союзников» весьма различны. Таковы, напр., отношения «Искры» к земству. Фрондирующие выходки его, вызываемые нередко недостаточной по сравнению с промышленностью защитой правительством аграрных вождельцев гг. земцев, «Искра» старается раздуть в пламя политической борьбы и обещает неудовлетворенным правительственным подачкам дворянам помощь рабочего класса, ни словом при этом не обмолвившись о классовой розни этих слоев населения. Мы можем допустить, что говорить о пробуждении земщины и указывать на земство, как на элемент, борющийся с правительством, можно, но только в ясной и отчетливой форме, которая не оставляла бы сомнений о характере нашего возможного соглашения с подобными элементами. «Искра» же ставит вопрос об отношении к земству так, что это, по нашему мнению, может только затемнять классовое сознание, так как здесь она наравне с проповедниками либерализма и различных культурных начинаний ставит противоядие основной задаче социал-демократической литературы, задаче, заключающейся в критике буржуазного строя и выяснении клас-

## ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ И ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Кострома. Какой пищей костромские помещики кормят своих рабочих. В нескольких верстах от Костромы находится усадьба Караваева, принадлежащая генеральше Усовой; генеральша ведет хозяйство и держит 8—10 земледельческих рабочих, которых кормит совершенно невозможной пищей. Работники уже несколько раз пробовали протестовать против подобных харчей, но экономка в ответ на это советовала есть, что дают, и быть этим довольным, и пища нисколько не улучшилась; пробовали и жаловаться исправнику, но последний, будучи хорошо знаком с генеральшей, прогонял жалобщиков и даже обещал посадить их, если они еще раз вздумают жаловаться, в холодную. Наконец, однажды на обед было подано такое мясо, что, несмотря на сильный голод, рабочие совсем не могли его есть: оно совершенно было гнилое и воняло падалью. Тогда они отдали часть этого мяса собаке, которая, съевши его, в тот же день издохла, другую же часть мяса они, чтобы не отравить еще кого-нибудь, зарыли в землю. Это происшествие с мясом ужасно возмутило рабочих, они думают снова идти в Кострому с жалобой, но на этот раз думают уже обращаться не к полиции, так как судьба предыдущих жалоб ясно показала им, что последняя держит сторону хозяев (это убеждение глубоко вкоренилось теперь в умах караваевских рабочих), а к прокурору окружного суда. Говорят, что не лучше караваевской пища у работников и во многих других усадьбах Костромского уезда. Скоро ли настанет пора, когда живущие продажей своей рабочей силы крестьяне поймут, что их интересы одинаковы с интересами городских рабочих и вместе с ними, под знаменем российской социал-демократии, выступят на борьбу за лучшую долю?

Рига. У нас страшная безработица, на главных заводах работают только четверть рабочих, и то — от 8 до 4 пополудни. Оставшиеся без работы рабочие уезжают или в деревню к родным или ищут какого-нибудь занятия за

совых интересов, а не в затемнении их антагонизма. Таково же отношение «Искры» и к студенческому движению. Между тем, в других статьях «Искра» резко осуждает всякие «компромиссы» и выступает, напр., на защиту нетерпимого поведения гедистов.

«Не останавливаясь на других менее важных недостатках и промахах «Искры», мы в заключение считаем долгом заметить, что мы своей критикой отнюдь не хотим умалить того значения, которое может иметь «Искра», и не закрываем глаз на ее достоинства. Мы приветствуем ее, как политическую социал-демократическую газету в России. Мы считаем ее крупной заслугой удачное выяснение вопроса о терроре, которому она своевременно посвятила несколько статей. Наконец, мы не можем не отметить столь редкий в нелегальных изданиях образцовый литературный язык «Искры», регулярность ее выхода в свет и обилие свежего и интересного материала».

«Сентябрь 1901 г.

Товарищи».

Заметим, прежде всего, по поводу этого письма, что мы от всей души приветствуем прямоту и откровенность его авторов. Давно пора перестать играть в прятки,

одно пропитание только, и то напрасно. Настроение в массах нерешительное и удрученное. Кое-кто поговаривает, что нужно было бы идти толпой к губернатору и требовать хлеба и работы, но до осуществления этого плана, кажется, теперь еще далеко. Недавно были здешней группой распространены в небольшом количестве гектографированные воззвания к здешним рабочим в виде брошюрок.

В октябре в Царском саду, где каждый год заседает призывная комиссия и где происходит осмотр новобранцев, были расклеены воззвания к новобранцам на латышском языке, но, к сожалению, только в нескольких экземплярах.

Москва. Машино-строительный и чугуно-литейный завод Бр. Бромлей. У нас на заводе в литейной часто разыгрываются драматические истории между рабочими и мастером Рунтом. Отлил ли литейщик брак, плеснул ли нечаянно расплавленным чугуном на землю, наступил ли нечаянно рабочий на формовку — беда, если увидит Рунт; у мастера на этот счет строгие карательные меры; после предварительной ругани — пускает в ход и кулаки — дело оканчивается штрафом.

Расценки литейных работ, исключая крупных, поразительно низки; частенько литейщику средней и мелочной работы за двухнедельный тяжелый и продолжительный труд приходится получить всего 7—8 руб. Работают в день по 10 час., но по случаю литья ежедневно опаздывают на полчаса, а так как все литейщики работают сдельно, то за сверхурочное время платы не получают. Ежели литейщик не выработает поденного жалованья (которое очень низко и которое все-таки, несмотря на это, частенько не выработывают), то ему добавляют до такового, но в следующий месяц надбавку вычитают из сдельной платы, если она превышает поденную.

Рабочие же, под страхом остаться под открытым небом, переносят безнравственные выходки Рунга и ежедневные свавки жалованья. Бывали случаи, что рабочие, дорожащие своею честью, отвечали на плюху плюхой. Но всегда верх брал произвол, таких смельчаков тотчас же требовали к заводскому полицейскому и, предварительно прочитав нотацию, давали расчет; тем же, которые протестовали против неправильного разрыва договора и тре-

бовали за две недели вперед, говорили: «иди, ищи защиты». Ходили к инспектору, — а известное дело, эти господа всегда тянут руку фабрикантов — им и царь-батюшка так приказывает, да и сами они не глупы, что понимают: на фрак и на брюки с бедного рабочего не получишь. Так где же твое право, рабочий?

Москва (письмо ткача). Кто не знает фабрики Бутюгина, расположенной по Кирочному переулку Лефортовской части? На этой фабрике производятся ткацкие работы. Работающие на фабрике люди — все, без исключения, деревенские крестьяне.

Жизнь этих рабочих так тяжела и угнетена, что и выразить трудно; кто только мало знаком с фабричной жизнью, тому не мешало бы узнать, как здесь теснит рабочего фабричная администрация. В корпусе теснота, страшная пыль, вредно действующая на здоровье рабочих, и отсутствие вентиляции; в проходах навалены груды основ, грозящих падением; в трех этажах только одно стхожее место, тесное и грязное; во время работы отперта только одна дверь, что небезопасно на случай пожара. Рабочие сами составляют уток на воронки, что продолжается с полчаса, и за это ничего не получают; к тому же еще сами сдают товар, что тоже отнимает минут 20—30. В субботу, по правилам, чистка машин должна производиться за 5 минут до остановки машин, а у нас производится после остановки в течение около получаса, за что тоже не платится в течение нескольких лет. На обед и на чай полагается по получасу, но во время обеда машины не останавливаются, и он продолжается не более 15 минут, то же самое и с чаем: пока слазишь на 5 этаж за чайником, да потом опять вниз, чтобы заварить чай, так измучаешься больше, чем на работе.

Девушки от 15 лет таскают пряжу весом до трех пудов на 4 этаж, что для них очень трудно.

Спальные казармы грязны и темны, нары сплошные, очень неудобны, полы никогда не моются, много паразитов, воздух тяжелый, так как помещение рассчитано не по числу людей. В четвертом этаже настолько сыро, что с потолка течет, и, если повесить одежду, то через день появляется плесень; топят, в виду экономии нефти, очень мало. После работы за ворота пускают только с ярлыком, выданным из конторы, каковой выпросить очень трудно,

скрывая свое экономическое «сredo» (как это делает часть Одесского Комитета, от которого отделились «политики») или заявляя, точно в насмешку над истиной, что в настоящее время «решительно ни одна с.-д. организация в экономизме не повинна» (изд. «Раб. Делом» брошюра «Два с'езда», стр. 32).—А теперь к делу.

Основная ошибка авторов письма — совершенно та же, в какую впадает и «Раб. Дело» (см. особенно № 10). Они путаются в вопросе о взаимоотношении между «материальными» (стихийными, по выражению «Раб. Дела») элементами движения и идеологическими (сознательными, действующими «по плану»). Они не понимают, что «идеолог» только тогда и заслуживает названия идеолога, когда идет впереди стихийного движения, указывая ему путь, когда он умеет раньше других разрешать все теоретические, политические, тактические и организационные вопросы, на которые «материальные элементы» движения стихийно наталкиваются. Чтобы действительно «считаться с материальными элементами движения», надо критически относиться к ним, надо уметь указывать опасности и недостатки стихийного движения, надо уметь поднимать стихийность до сознательности<sup>5</sup>. Говорить же, что идеологи (т. е. сознательные руководители) не могут совлечь движения с пути, опреде-

ляемого взаимодействием среды и элементов,—это значит забывать ту азбучную истину, что сознательность участвует в этом взаимодействии и этом определении. Католические и монархические рабочие союзы в Европе — тоже необходимый результат взаимодействия среды и элементов, но только участвовала в этом взаимодействии сознательность попов и Зубатовых, а не сознательность социалистов. Теоретические взгляды авторов письма (как и «Раб. Дела») представляют из себя не марксизм, а ту пародию на него, с которой носятся наши «критики» и бернштейншанцы, не понимающие, как связать стихийную эволюцию с сознательной революционной деятельностью.

Это глубокое теоретическое заблуждение необходимо приводит в переживаемый нами момент к величайшей тактической ошибке, которая уже причинила и причиняет неисчислимый вред русской социал-демократии. Дело в том, что стихийный подъем и рабочей массы и (благодаря ее влиянию) других общественных слоев происходит в последние годы с поразительной быстротой. «Материальные элементы» движения выросли гигантски даже по сравнению с 1898 г., но сознательные руководители (социал-демократы) отстают от этого роста. В этом — основная причина переживаемого

да и неудобно просить каждый день: можно попасть на замечание. На фабрику проведен водопровод, и за это вычитают с рабочих 30 руб. в год, а в то же время остатками рабочего обеда кормят двух коров и пять лошадей и за это платят рабочим только пять рублей. Сторож при спальных казармах нанимается от артели, освещение в кухне тоже артельное, вообще стараются везде и на всем сорвать. И даже если захотел подышать свежим воздухом, то и это с разрешения администрации, если позволит, а то и нет. — Вот какова жизнь бутюгинского ткача.

Света, воздуха жалеют  
За тяжелый, честный труд;  
Отчего ткачи болеют,  
От чахотки часто мрут?

Москва. Раменская мануфактура Милютин. Летом рабочим удалось добиться мирным путем сокращения рабочего времени с 11½ до 9 час., которое обещано администрацией ввести постепенно. Расценки остались прежние. Причины успеха: 1) промышленный кризис; 2) объединенность рабочих. В связи с движением рабочих стоит увольнение фабричного врача Руднева; поводом к его увольнению послужило то обстоятельство, что он «делал много пенсионеров», т. е. заставлял администрацию фабрики расплачиваться за увечья рабочих.

(По недостатку места, откладываем до след. № письма с булочных и кондитерских фабрик. Ред.)

Киев. Отголосок агитации среди вагоновожатых. 8 ноября в киевском съезде мировых судей разбиралось интересное дело на нелегальной подкладке. Как известно, весной этого года среди вагоновожатых конки началось брожение. В одной из соц.-дем. прокламаций указывалось, между прочим, на взяточничество высшей администрации конки. Сообщение это вызвало раздоры среди представителей администрации: воры перессорились! Стахович (начальник мастерских кузнечного цеха) утверждал, что Лашевский (старший контролер) за взятки переводит кондукторов в первый разряд, что он часто видит, как г. Ла-

шевскому «таскают гусей, кур, уток, индюков и яйца и что он видел, как кондуктор Утвенко принес ему четырех кур». На суде Стахович побоялся доказывать правдивость сообщенного в прокламации, отказался от своих слов и был приговорен к аресту на 7 дней.

Стачка портных. В настоящее время (20 октября) идет стачка крещатицких портных. Началась она самопроизвольно и ведется неорганизованно: рабочие из разных мастерских выставили разные требования, начали стачку одновременно и заканчивают в разное время с неодинаковым успехом.

Вниманию рабочих Гретера! Нам достоверно известно, что мастер Щепановский был вынужден притеснениями и угрозами заводской администрации принять на себя шпионские обязанности. За это ему значительно увеличили жалование.

Тифлис. Рабочее движение с января по октябрь 1900 г. 1900 г. окончился большой стачкой в железнодорожных мастерских, где 4.000 раб., прекратив работу, потребовали от правительства сокращения рабочего времени до 8 ч., увеличения заработной платы и улучшения условий труда. Стачка длилась 15 дней, но рабочие, подавленные царским правительством, которое окружило полгорода войском, арестовало свыше 1.500 человек рабочих и большинство из них повысылало «на родину», сгоняло насильно на работу некоторых рабочих и проч. и проч. — приступили к работе. С этого времени жандармы начинают хватать и сажать в тюрьмы встречного и поперечного. Напустив на город целую свору шпионов, выписанных из России, наполнив мастерские и фабрики провокаторами, жандармы готовы были думать, что им наконец-то удалось в корне подточить всякую возможность развития рабочего движения. Но им пришлось скоро убедиться, что рабочее движение в Тифлисе «развивается вглубь и вширь», как заявили они шефу своему, министру внутренних дел, испрашивая у него новый кредит на усиление корпуса шпионов.

В начале 1901 года Тифлисский Комитет Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии выпустил прокламацию на русском, грузинском и армянском языках, призывая всех рабочих возобновить прерванные временно занятия и продолжать упорную борьбу с угнетателями трудящихся масс — капитали-

мого русской социал-демократией кризиса. Массовому (стихийному) движению недостает «идеологов», настолько подготовленных теоретически, чтобы быть застрахованным от всякого шатания, недостает руководителей, обладающих таким широким политическим кругозором, такой революционной энергией, таким организаторским талантом, чтобы создать на базе нового движения боевую политическую партию.

Все это, однако, было бы еще полбеда. И теоретические знания, и политический опыт, и организаторская ловкость, — все это вещи наживные. Была бы только охота учиться и вырабатывать в себе требуемые качества. Но вот с конца 1897 г. и особенно с осени 1898 г. подняли в русской социал-демократии голову такие люди и такие органы, которые не только закрывали глаза на этот недостаток, но и объявили его особой добродетелью, которые возвели в теорию преклонение и раболепство перед стихийностью, которые стали проповедывать, что социал-демократы должны не идти впереди, а тащиться в хвосте движения. (К этим органам принадлежала не только «Раб. Мысль», но и «Раб. Дело», начавшее с «теории стадий» и кончившее принципиальной защитой стихийности, «полноправности движения в настоящем», «тактики процесса» и проч.)

Вот это уже была настоящая беда. Это было образованием особого направления, которое принято называть экономизмом (в широком смысле слова) и которого основная черта состоит в непонимании и даже защите отсталости, т. е. как мы уже объясняли, отсталости сознательных руководителей от стихийного подъема масс. Это направление характеризуется: в принципиальном отношении — опощением марксизма и беспомощностью перед современной «критикой», этой новейшей разновидностью оппортунизма; в политическом отношении — стремлением сузить или размять на мелочи политическую агитацию и политическую борьбу, непониманием того, что, не взяв в свои руки руководства общедемократическим движением, социал-демократия не сможет свергнуть самодержавия; в тактическом отношении — полной неустойчивостью («Раб. Дело» весной в недоумении остановилось перед «новым» вопросом о терроре и только полгода спустя, после ряда колебаний, высказалось в очень двусмысленной резолюции против него, волоочась, как и всегда, в хвосте движения); в организационном отношении — непониманием того, что массовый характер движения не только не ослабляет, а, напротив, усиливает нашу обязанность создать крепкую и централизованную организацию революционеров, спо-

стами и царским правительством. Рабочие с радостью откликнулись на призыв Комитета, и закипела работа. Возобновились старые кружки, организовались новые, усилилась агитация как устная, так и литературная. Не заставили себя долго ждать и стачки; в течение января и февраля месяцев имело место до 15 стачек (в табачных фабриках Энфианжанца 600 раб., «Мир» 700 раб., Самарова 200 раб. и Бутулова 100 раб., в типографиях Либермана 140, Козовского 40, Грузинского издат. товарищества 150, в восточных банях Мирзоева, Бубутова и «Ираклий II», в механ. маст. Котрини, Рукса и проч.). Все стачки, за исключением одной-двух, окончились в пользу стачечников. Некоторые из них имели громадное значение для отдельных категорий рабочих. Так например, стачки в восточных банях, где забастовали банщики или терщики, неграмотные и забытые персы и армяне, пробудили чувство классового самосознания в рабочих этих национальностей. Кроме того, те же стачки показали стачечникам, за кого стоит правительство. Когда арендаторы бань принуждены были сдаться на требования стачечников, то приехал полицеймейстер, собрал всех арендаторов и хозяев и заявил, что, если они уступят рабочим в чем-нибудь, то будут считаться подстрекателями бунтовщиков, и с ними будет поступлено «по закону». Такое «покровительство» полиции, конечно, было оценено рабочими в должной степени, и они усиленно настаивали на своих требованиях и победили. Стоит отметить еще одну стачку, показывающую, что некоторые хозяева тянут свою лямку и числятся в списке «хозяев» до тех пор, пока рабочие не выйдут из положения вяющих животных. На табачной фабрике Бутулова забастовали набивщики, требуя увеличения платы на 20%. Стачка длилась две недели, и после всевозможных усилий сломить солидарность рабочих хозяин открыто заявил, что в виду конкуренции с другими фабрикантами, он не может уступить рабочим, а так как рабочие знают не хотели никакой конкуренции, то он принужден был ликвидировать свое предприятие.

Не дремали, конечно, и жандармы. Почти ни одной стачки не обошлось без их вмешательства. Были большие аресты на табачных фабриках, в типографиях и т. п., но это не мешало успешному ходу стачек. В феврале пошли повальные обыски среди интеллигенции; было арестовано несколько человек, но освобождены за недостатком улик. Были обыски у нескольких гимназистов и учеников института. Один из гимназистов, взятый за хранение прокла-

маций, указал на лицо, передавшее ему прокламации (фамилия гимназиста Стан. Сарповский).

Студенческое движение в центрах отзывалось и на местной жизни. Всякого рода литература (нелегальная), листки, воззвания, брошюры, карикатуры ходили из рук в руки. Чувствовалось всеобщее оживление. Выстрелы Карповича и Лаговского пронесли и над Кавказом, и на время развязались языки, начали говорить, хотя и не громко, но с одушевлением, с проблеском пробудившегося гражданского чувства. Приближался майский праздник.

Жандармы теряли головы, не знали чем предотвратить надвигающуюся бурю. Начали сажать в тюрьмы без всякого разбора рабочих, интеллигентов, учеников, мужчин, женщин. Так как Комитет начал выпускать одну за другой прокламации, отпечатанные довольно чисто, то жандармы направили все свое внимание на типографии. Каждая типография была осаждена шпионами; еженедельно обыскивали наборщиков, но все безуспешно: при обысках ничего не находили. Тогда начали арестовывать типографских рабочих без всякого повода. Закрыли одну типографию, хотя ничего в ней не нашли. Был обыск в ред. «Нов. Обозрения» и грузинской газеты «Квали», и хотя там ничего не нашли, тем не менее арестовали несколько сотрудников — И. Франческо и С. Джибладзе. Из арестованных называли: рабочих: Цервадзе, Бинанов, Вадачкория, Хуциев, Алшевский, Петров, Хатисон, Егоров, Сулханов, Шарадзе, Флегентов, Яшвили, Чантладзе, Майсурадзе, Абрамчишвили (15-летний мальчик), Никаноров, Крылов, Березняков (выдавал), Гогоу, Стуруа и проч. и проч.; из интелл.: Простосердов, Домостроев, Мещерин, Пушкирев, Перетц, Курнатовский, Скорняков, Комадзе (2 брата), Каландадзе (2 брата), Жардиния (сотрудник «Квали»), Командришвили, Цулукидзе и пр.

Майский праздник прошел удачно. Арестованные по делу демонстрации 70 человек, кроме одного Мамаладзе, были выпущены к 20 октября. В мае и июне имели место стачки на механических заводах Яролова и К<sup>о</sup>. (500 раб.), Рукса (200 раб.), Котрини (150 раб.), Гауфа (50 раб.). Во всех стачках было выставлено требование сокращения рабочего дня с 10½ час. до 10, увеличение заработной платы на 10—20%, улучшение положения учеников и урегулирование получки платы. Кроме завода Яролова, стачки окончились в пользу рабочих, а на заводе Яролова проиграла благодаря насилию жандармов! Согнали до 30 человек в мастерские и заставили работать: остальные под-

собную руководить и подготовительной борьбой, и всяким неожиданным взрывом и, наконец, последним решительным нападением.

С этим направлением мы вели и будем вести непримиримую борьбу. Авторы же письма, видимо, сами к нему принадлежат. Они указывают нам, что экономическая борьба подготовила участие рабочих в демонстрациях. Да, и именно мы раньше всех и глубже всех оценили эту подготовку, когда высказались еще в декабре 1900 г. (№ 1) против теории стадий, когда в феврале (№ 2), тотчас после отдачи студентов в солдаты и еще до начала демонстраций, звали рабочих идти на помощь студентам. Февральские и мартовские события не «опровергли» страхи и опасения „Искры“ (как думает — «Раб. Дело», № 10, стр. 53 — Мартынов, обнаруживающий этим полное непонимание дела), а всецело подтвердили их, ибо руководители оказались позади стихийного под'ема масс, оказались неподготовленными к исполнению своих обязанностей как руководителей. Подготовка эта и в настоящее время очень еще несовершенна, а потому всякие толки о «переоценке роли идеологии» или роли сознательного элемента по сравнению с стихийным и т. п. продолжают оказывать самое вредное практическое влияние на нашу партию.

Такое же вредное влияние оказывают толки о том, что необходимо, во имя будто бы классовой точки зрения, поменьше подчеркивать общность недовольства правительством разных слоев населения. Напротив, мы гордимся тем, что «Искра» пробуждает политическое недовольство во всех слоях населения, и жалеет только, что нам не удастся делать это в еще более широком размере. Неправда, что мы затушевываем при этом классовую точку зрения: ни одного конкретного примера такого затушевывания авторы письма не указали и указать не смогут. Но, как передовой боец за демократию, социал-демократия должна — вопреки мнению «Раб. Дела» № 10, стр. 41 — руководить активной деятельностью различных оппозиционных слоев, разъяснять им общее политическое значение их частных и профессиональных столкновений с правительством, привлекать их к поддержке революционной партии, должна вырабатывать в своей среде таких вождей, которые бы умели политически влиять на все и всякие оппозиционные слои. Всякий отказ от этой роли, в какие бы пышные фразы о тесной органической связи с пролетарской борьбой и т. п. он ни облакался, равносителен новой «защите отсталости» социал-демократов, отсталости от под'ема демократического общенародного движения, равносителен

дались. Стачки эти продолжались 17 дней; розданы были по этому случаю прокламации Комитета на грузинском и русском яз.

18 августа забастовали 250 чел. кучеров и кондукторов трамвая. Конка не выходила до 10 час. Видя такое упорство рабочих, администрация конки посадила контрощиков и контролеров вместо кондукторов и кучеров и выпустила десять вагонов. Подоспели жандармы и казаки и стачечников заставили насильно работать. Каждый вагон сопровождали двое городских. Стачка проиграна наполовину. Требовали сокращения рабочего дня с 14 до 8 час. с оставлением той же платы. Рабочий день был сокращен до 9 час., но плату понизили на 10%.

В августе же забастовали на кожевенном заводе Аделханова войлочники до 300 человек (на всем заводе до 2.000 рабочих); требовали увеличения рабочей платы на 25% и улучшения условий труда. Стояли шесть дней. Кончилась стачка в пользу рабочих. Арестов не было. В августе же забастовали набивщики и мундштучники табачной фабрики Базардонянца (всего 500 раб., забастовало 100 чел.), требовали увеличения платы и улучшения материала для папирос, требовали, чтобы табак выдавался не сильно крошенный. Стачка проиграна; стояли шесть дней. Были аресты.

Аресты продолжаются и в последнее время; с арестантами обращаются скверно. Прокурор не присутствует на допросах. Рабочих ругают, покрикивают, даже бьют (особенно отличается зверскими выходками ротмистр Лавров).

## ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРЕНИЕ

### СТАЧКА АМЕРИКАНСКИХ РАБОЧИХ ПО ОБРАБОТКЕ СТАЛИ (STEELWORKERS).

Когда наши радикалы из буржуазной среды, апостолы мирных реформ и другие благодетели рода человеческого трактуют о том, что в Америке, мол, нет классов, что здесь в этом отношении все обстоит благополучно, никто из нас больше этому не удивляется, — ведь затем

эти господа и существуют, чтобы не знать и не понимать, что вокруг них происходит. Но очень странным и непонятным покажется всякому, если сказать, что и в рабочей среде очень долго эта легенда находила и, пожалуй, еще и в настоящее время находит благоприятную почву. Ведя почти не прекращающуюся борьбу против своих непосредственных врагов — капиталистов, американские рабочие в большинстве случаев из-за деревьев не видят леса, в многочисленных мелких стычках своих с капиталистами не замечают классового характера своей борьбы, не в состоянии подняться на высоту его понимания. Этим можно объяснить, почему в Америке, стране крупного капитала и гигантских тред-юнионов, политическая организация пролетариата лишь теперь начинает выходить из своего зародышевого состояния. Но прогресс капиталистического развития, сильно изменяющий характер отношений и борьбы рабочих с капиталистами, беспощадно разрушает вредные иллюзии рабочих. Теперь чуть ли не каждая стачка расширяет их кругозор и будит классовое сознание.

Стачки рабочих у нас самое заурядное явление. Но бывают разные стачки. Десятки и сотни их проходят совершенно незаметно, не возбуждая ни в ком, кто непосредственно не заинтересован в них, никакого решительного интереса. Другое дело — крупные стачки; они не только привлекают к себе всеобщий интерес, но и отодвигают на задний план все другие вопросы общественной жизни и политики, о них только и пишут и говорят. И немудрено — в этих стачках экономическая борьба рабочих проявляется в самой резкой своей форме; в них втягиваются в сферу борьбы рабочие разных профессий; в этой борьбе ставится на карту благосостояние десятков и сотен тысяч рабочих семейств, а с другой стороны, от нее сильно страдают интересы крупного капитала. Каждая такая стачка некоторым образом потрясает основы капиталистического общества.

передаче руководящей роли в руки буржуазной демократии. Пусть авторы письма пораздумают над тем, почему это весенние события вызвали такое оживление революционных и несоциал-демократических направлений вместо того, чтобы вызвать усиление авторитета и престижа социал-демократии!

Мы не можем не восстать также против поразительной близорукости, которую обнаруживают авторы письма по вопросу о полемике и междоусобной брани среди эмигрантов. Они повторяют старые пустяки о «неприличии» посвящения статьи о Зубатове «Раб. Мысли». Не вздумают ли они отрицать того, что распространение экономизма облегчает задачу гг. Зубатовым? Только это мы и говорим, отнюдь не «отождествляя» тактику экономистов и тактику Зубатова. А что касается «эмигрантов» (если бы авторы письма не были так непростительно беззаботны насчет преемственности идей в русской социал-демократии, то им было бы известно, что предостережения «эмигрантов», именно группы «Осв. Труда», насчет экономизма оправдались самым блистательным образом!), то вот послушайте, как судил действовавший в 1852 г. среди рейнских рабочих Лассаль о спорах в лондонской эмиграции:

«Едва ли,—писал он Марксу,— со стороны полиции встретятся затруднения к изданию твоего сочинения против „великих людей“—Кинкеля, Ругэ и др... Правительство, я полагаю, даже радо появлению таких сочинений, ибо оно думает, что „революционеры перегрызут сами себя“. Что партийная борьба придает партии силу и жизненность, что величайшим доказательством слабости партии является ее расплывчатость и притупление резко обозначенных границ, что партия укрепляется тем, что очищает себя,—этого чиновничья логика не подозревает и не опасается». (Из письма Лассалья к Марксу, 24 июня 1852 г.).

К сведению всех, столь многочисленных ныне, прекраснородных противников резкости, непримиримости, полемического задора и проч.!

В заключение заметим, что мы могли здесь только бегло затронуть спорные вопросы. Подробному разбору их мы посвятим особую брошюру, которая выйдет в свет, мы надеемся, месяца через полтора.

[Н. Ленин]

Очень понятно, что такого рода стачки и на рабочие массы оказывают свое влияние. С одной стороны, организация помощи стачечникам скрепляет узы солидарности рабочих, а с другой — рев и вой капиталистической прессы, проявление враждебности к борющимся рабочим со стороны всех капиталистов и, наконец, вмешательство власти не могут не влиять на развитие классового сознания рабочих.

Стачка рабочих по обработке стали (Steelworkers) и была одной из таких крупных стачек. Хотя она ни количеством участвовавших в ней рабочих, ни продолжительностью, ни своим результатом не отличалась многим от таких же бывших до нее стачек, тем не менее она возбудила больше толков и обратила на себя более сильное внимание как со стороны рабочих, так и со стороны капиталистов. Дело в том, что в этой стачке столкнулись лицом к лицу, с одной стороны, один из самых сильных и хорошо организованных трэд-юнионов — Соединенная Ассоциация рабочих по обработке стали (Amalgamated steelworkers association), а с другой — самая могущественная и богатая в Америке, а, пожалуй, и в мире, капиталистическая организация — так наз. «трест \* с двумя миллиардами долларов» (two billion dol. trust), во главе которого стоит самый крупный финансовый деятель Пиерронт Морган и в котором участвуют самые крупные капиталисты Америки. Это была схватка, в которой мерялись силой на поле экономической борьбы пролетариат и капиталисты Америки, в лице самых сильных своих отрядов.

Поводом к стачке послужил вопрос более принципиального, чем экономического свойства — «Ассоциация» требовала себе право организовать всех без исключения рабочих, работающих на заводах треста. Дело в том, что, когда все заводы по обработке стали, железа и жести соединились в трест, рабочие не всех заводов принадлежали к рабочей организации. Пока заводы эти принадлежали отдельным компаниям, «Соединенная Ассоциация» имела дело с каждой из них, независимо от того, каковы ее отношения к другим заводам: одни заводы были юнионистскими, другие — нет. С соединением же всех отдельных компаний в одну, положение вещей значительно изменилось. Выходило, что один и тот же работодатель по отношению к одной части своих рабочих признает организацию, по отношению к другой — нет. Вожди рабочей организации справедливо опасались, что такого рода двойственное отношение скверно отразится на их организации. Трест может воспользоваться неорганизованными рабочими, чтоб постепенно замещать ими организованных; с другой стороны, совместная работа организованных с неорганизованными может деморализующим образом влиять на самую организацию, ослабляя узы солидарности ее членов. Так или иначе, но «Соединенная Ассоциация» должна была предпринять что-нибудь в этом направлении. Все попытки организовать неорганизованных рабочих ни к чему не привели, хотя последние этого очень желали: трест этого не допускал. Начались переговоры, которые капиталисты умышленно затягивали, но из всех этих переговоров ничего не вышло. Во время переговоров на одном из заводов треста несколькими

десяткам рабочих отказали от работы за то, что они присоединились к юниону. Этим была брошена перчатка «Ассоциации», и она после этого не могла молчать. Была созвана конференция ее представителей, и там решили, что «Ассоциация» должна добиваться, чтобы всем рабочим были даны одинаковые права организоваться и чтобы скала поденной платы, установленная «Ассоциацией» и принятая трестом, одинаково применялась на всех без исключения заводах треста. Это был сигнал к битве.

Рабочие прекрасно понимали, что, объявляя стачку, они затевают очень серьезную и трудную борьбу, борьбу, которая притом может продолжаться очень долго, может истощить все средства их боевой кассы, сломить и ослабить самую организацию. Зная все это, рабочие все-таки шли в битву, и редко стачка начиналась здесь с такой решительностью и энтузиазмом, как в этот раз.

Впоследствии, во время полного разгара битвы, капиталисты, чтобы свалить с себя ответственность за стачку, утверждали, что им невозможно было удовлетворить требования рабочих, так как неорганизованные рабочие сами не имели никакого желания присоединиться к «Ассоциации». Это чисто голословное, ни на чем не основанное утверждение. И капиталисты сами знают, что это не так. Когда еще до начала стачки, во время переговоров, нечто подобное было сказано представителям «Ассоциации», то в ответ на это почти все неорганизованные рабочие изъяснили желание присоединиться к «Ассоциации». В одной своей речи во время стачки президент Ассоциации, Шэфер, коротко и ясно формулировал требования рабочих: «Мы никогда не просили предпринимателей, — заявил он, — заставлять своих неорганизованных рабочих организоваться. Наша организация вообще не желала бы иметь среди своих членов людей, которые присоединились к ней по принуждению. Пусть предприниматели вычеркнут из контракта, который они навязывают своим неорганизованным рабочим, ту его часть, которая обязывает последних не поступать в юнионы, и мы будем вполне удовлетворены, мы от них ничего больше не потребуем». Но именно этого капиталисты не хотели; для них это требование сводилось к следующему: должны ли предприниматели управлять своими заводами, или рабочие будут им диктовать, как себя там вести?

Стачка была формально объявлена 15 июля. Администрация рабочих выслала для начала лишь несколько отрядов своей армии в том расчете, что капиталисты будут готовы на уступки, как только увидят, что рабочие начинают серьезную борьбу. Сначала показалось бы, что соображения рабочих довольно основательны — капиталисты сейчас же изъяснили согласие на конференцию с представителями рабочих. Но и эта конференция ни к чему не привела. Соглашаясь на некоторые мелкие уступки в частности, капиталисты в основном пункте — в признании за Ассоциацией права организовать рабочих — не сдавались. Ничего не оставалось, таким образом, как продолжать стачку. После неудавшейся конференции с капиталистами, энтузиазм и охота к борьбе еще в большей степени охватили рабочих, и не только тех из них, которые принадлежали к Ассоциации, но и членов других рабочих юнионов. В тот момент стачка могла бы распространиться и на другие отрасли производства, связанные с производством стали. Если бы, напр., рабочие на

\* Трест — то же, что синдикат (или картель): организация фабрикантов для совместного установления размеров производства, цен продуктов и проч. Ред.

других заводах и фабриках отказались обрабатывать сталь, железо и жечь, получаемые на заводах треста, или, если бы железнодорожные рабочие отказались перевозить материалы треста, — несомненно, это обстоятельство заставило бы управление треста серьезнее задуматься, и — кто знает — может быть, оно проявило бы большую уступчивость. Но Шэферу неудобно было до такой степени утилизировать симпатии других рабочих организаций в виду того, что к тому времени еще не все рабочие собственной организации «Соединенной Ассоциации по обработке стали» были призваны к стачке. Все ждали со дня на день, что вот забудут общую тревогу, и все до единого члены Ассоциации будут вызваны к фронту. Но Ассоциация медлила, рассчитывая, очевидно, более на силу своих дипломатических переговоров, чем на активную борьбу рабочих. Драгоценное время пока проходило, а с ним значительно уменьшались шансы рабочих. Энтузиазм борьбы, который первоначально охватил таким ярким пламенем рабочие массы, начал порядком остывать. Когда пару недель спустя президент Ассоциации, Шэфер, выпустил прокламацию, в которой объявлялась генеральная стачка Ассоциации, она не имела уже большого эффекта. Ясно было, что стачка потеряна. Рабочие, однако, долго еще не складывали оружия, долго еще боролись, не желая сдаться. Через три месяца после начала стачки была опять созвана конференция капиталистов и рабочих, где сошлись на так наз. компромиссе, равносильном полному поражению рабочих. Как и на первой конференци, капиталисты уступили в мелочах, а в вопросе о праве рабочих организоваться они настаивали на своем.

Стачка эта охватила всю отрасль производства стали, железа и жести и была распространена в районе нескольких штатов: Пенсильвания, Висконсин, Огайо, Иллинойс и др. Число участвовавших в стачке рабочих едва ли превышало сто тысяч.

По окончании стачки очень резко нападали на Шэфера, считая его ответственным за ее поражение. Теперь, конечно, легче и удобнее находить недостатки и критиковать, чем совершить самое дело, тем не менее, надо признать, что упреки, которые делались ему, не совсем лишены основания. Нет никакого сомнения, что Шэфер вполне честный и в высшей степени преданный делу рабочих человек. Но этого недостаточно для ведения крупных стачек; для этого еще требуется более серьезное понимание силы и характера своего противника и, главное, более решительности. Вообще говоря, победа рабочих в чисто экономической борьбе становится тем менее возможной, чем крупнее капиталистическое предприятие, с которым они сталкиваются, и шансы ее достигают крайнего своего минимума, когда борьба происходит между рабочими и трестами, монополизировавшими известное производство. Помимо того, что такого рода крупные предприятия и тресты имеют в запасе громадные средства и очень мало опасаются конкуренции в своей отрасли производства, в каждой крупной стачке на исход борьбы решающее влияние имеют факторы, выходящие из узких пределов чистой «экономики». Капиталисты признают «политику», и в их руках она является самым могущественным оружием в борьбе, хотя бы «чисто» экономической, против рабочих. Как только здесь начинается крупная стачка, сейчас же на

сцену является армия специально назначенных полицейских, вооруженных с ног до головы, за ней следует милиция, а в исключительных случаях, как, напр., в знаменитой стачке железнодорожных рабочих в Чикаго 1894 г. и регулярная армия Союза. Все это обыкновенно делается под предлогом оберегать собственность предпринимателей, а на самом деле с исключительной целью провоцировать рабочих к необдуманным поступкам. Если же рабочие все-таки не подают повода для вмешательства властей и крутых мер, то на сцену являются услужливые судьи, которые целым рядом совершенно произвольных специальных решений запрещают решительно все, что им необходимо для более или менее успешной борьбы с капиталистами. Им запрещают, напр., иметь на улицах своих представителей, на обязанности которых лежит внушать вновь приезжающим рабочим не занимать места стачечников; запрещают им собираться в известных местах, арестовывают их лидеров (вожаков, ораторов на сходках и т. п.). Вести при таких условиях стачку, особенно если она очень затягивается, очень и очень не легко.

Во всяком случае рабочие больше выиграли бы, если бы Шэфер менее полагался бы на силу своей дипломатии и добрую волю противников, а сразу, без всяких околичностей и затяжек, вызвал бы всех своих рабочих на стачку. Эффект был бы громадный. Это сразу остановило бы все производство в данной отрасли. Капиталистам невозможно было бы наскоро найти столько рабочих и притом настолько знающих свое дело, чтобы поставить их на место стачечников. Если бы удары рабочей организации были нанесены с такой быстротой и решительностью, энтузиазм и симпатии других рабочих организаций могли бы быть больше утилизированы, и — кто знает — исход стачки, быть может, был бы несколько иной.

Место не позволяет описать здесь все детали этой стачки. Она велась с настойчивостью и энергией с обеих сторон, несмотря на громадные денежные потери, с одной, и обилие жертв и всяческих лишений — с другой стороны.

Наши рабочие еще далеки от верного и ясного понимания отношения между их экономической борьбой и независимой политической деятельностью рабочего класса. Организовывая гигантские трэд-юнионы, ведя жестокую, почти не прекращающуюся чисто экономическую борьбу против своих эксплуататоров, они с какой-то непонятной детской наивностью отбиваются руками и ногами от социалистической политики своего собственного класса. И потребуются еще, вероятно, не мало назидательных уроков и много жертв, пока американские рабочие поймут, что бессмысленно и преступно рабочим выбирать мэрами, губернаторами, судьями, законодателями и президентами людей, рекомендуемых капиталистическими партиями, людей, которые пользуются своей властью лишь для того, чтобы обеспечить за капиталистами господство над рабочим классом.

Последняя, описанная мною, стачка не мало будет способствовать выяснению этой истины в головах рабочих, и в этом отношении она далеко не потеряна для них.

Политическая свобода — могучее оружие в руках рабочих в их борьбе с капиталистами, но только в том случае, когда рабочие хотят и умеют им пользоваться.

С. И.

## ИЗ ПАРТИИ

## ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ.

Из Сибири. В конце мая через Красноярск прошла партия политических каторжан: М. Лаговский (8 лет) и осужденные по делам об убийстве шпионов в Польше: Езиоровский (вечн.), Гервинский (20 лет), Глинский (20 л.), Мрозик, Карч и Кравчик (по 15 лет). В середине лета в Енисейскую губ. прибыла партия в 18 человек политических ссыльных: Девеншинский, из Вильны, и М. Вальденбург, жена его — оба в с. Тасеево, Канского уезда; Як. Пескин из Двинска туда же; В. Булкин, из Вильны, в Троицко-Заозерское, Канского уезда; М. Зак, В. Рубинштейн, Эстер Лясс, из Вильны, в с. Ирбейское, Канского уезда; Иосиф Ленский, из Вильны, Ис. Гольдин, из Двинска, туда же; Шифра Рабинович, из Двинска, в с. Рыбинское, Канского уезда; Т. Аркуская, из Вильны, Хана Коган, из Двинска, в село Ужуру, Ачинского у.; М. Екельчик, из Ковны, в с. Маклаковское, Енисейского у.; Б. Мерклинг и Ш. Блюмендфельд, из Ковны, в с. Казачинское, Енисейского у.; Ш. Аксельрод, из Двинска, в село Пинчугу, Енисейского у.; Алта Зильберштейн, из Двинска, в с. Анцифери, Енисейского у. и В. Вайнштейн, из Двинска, в с. Богучаны, Енисейского у. Все сосланы в «охранном» порядке на два-три года. Дело начато было арестами в Минске, около нового года; после аресты были в Двинске, Ковне, Вильне и Варшаве. У 18 товарищей, ныне сосланных, была найдена нелегальная литература, у некоторых взяты письма. На основании этих данных и шпионских показаний обвиняемые причислены к «Еврейскому союзу».

Через несколько дней после этой партии прошла еще одна в составе 5 человек: Ш. Коган, Аб. Мельников, Б. Дейч, О. Левин и О. Руденк. Через Верхолеск в конце июля прошла партия в 13 человек: 1) купец Баневур, из Вильны, с женою на 4 года в Верхолеск (дело «Бунда» 1898 г.); 2) приказчик Блюмберг, из Вильны, за демонстрацию, на 6 лет в Якутск; 3) кровельщик Беркан, с женой и ребенком, за ту же демонстрацию, на 6 лет в Якутск; 4) Гальперин, на 5 лет в Знаменку, Иркутской губ. (страдает манией преследования и почти слепой); 5) акушерка Розенберг на 5 лет в Олекминск по Уральскому с.-д. делу; 6) садовник Королевский на 5 лет в Знаменку (по делу об убийстве шпиона в Ченстохове); 7) красильщик Клобуковский, с женой и ребенком, на 5 лет туда же (дело об убийстве шпиона в Варшаве); 8) Пекарж, с женой и ребенком, в Макаровскую вол., Киренск. у., на 4 года (по тому же делу); 9) Бергер на 5 л. в Бирюльск (Ченст. дело); 10) Клиневский (из Польши) на 6 лет в Киренский округ; 11) Русинов в Бирюльск; 12) Смирнов в Чечуйск и 13) Лысик в Ишимск, — все на пять лет по делу о покушении на ограбление кассы с политическими целями (после 1 года предварительного заключения в «Крестах»).

У политических ссыльных К. Солодухо (дело с'езда Росс. партии) и литератора П. Теплова произведены обыски по доносу одного уголовного. Найдены паспорта и нелегальная литература. Обыски были по дороге в Вилейск.

САРАТОВ. В ночь с 25 на 26 октября были обыски и аресты среди рабочих и интеллигенции: 12 обысков, 5 арестов.

Обысканы: рабочие Ефимов Александр, Зайцев, Тимашев, Канатчиков Семен, Морозов, Муринов, Шепелев С. П., Шамбаров, Киреев, Романов, В. П. Ефимов (перевелся из Вятки), Алабин и еще двое.

Арестованы: С. П. Шепелев, Романов, Киреев, Шамбаров, В. П. Ефимов (чертежник в управлении Р.-У. общ.). Обыски произошли совершенно случайно: Романов, Шамбаров, Киреев, из-за недоразумения, возникшего между ними, были препровождены в участок, где обысканы, и у одного из них, Романова, найден номер «Рабочей Газеты». Шамбарова освободили и потом тотчас же накрыли дома и нашли 5 номеров «Рабочей Газеты». Киреева взяли за то, что был в компании. Вслед за этим были произведены обыски на основании собранных полицией сведений

(В. П. Ефимов, Алабин, С. П. Шепелев были поднадзорными, а потому полиции, конечно, было известно, кто куда ходил и к кому). Все эти аресты, впрочем, как нам сообщают, нисколько не отразились на редакции и рабочем комитете «Рабочей Газеты».

8 октября на русской границе в Вержболове арестована В. М. Величина и отвезена в Д. П. З. в Спб.

В Томске арестован доктор Павлов, начальник переселенческого участка, его жена и еще человек 5—6. Одновременно с этим шли аресты по всей линии Сибирской ж. д. Всех арестованных свозят в Томск. Держат очень строго, не дают даже свиданий с родными.

В ноябре месяце в Вятке и Слободском был ряд обысков. Между прочим, в Слободском у Фельдмана (ссылн.), К. Мельницкого (ссылн.) и Василевского; в Вятке — у Бушена (стат.), Фиорарова, студ. Дубова, фельдш. слушат. Макаровой, Сазонова, студ. А. Вертячих, раб. ссыльных Бортько и Вильямсона, земск. чертежника Семенова. Из них Дубов, Фиораров и Макарова сидят в тюремном замке. Создано дело.

## ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Получено: из Волжской столицы 50 руб., из Н.-Новгорода через С. 50 руб. — Нашим северо-западным представителем собр.: от М. 75 р. и 7 р. 50 к.; за лит. 20 руб., 13 р. 85 к., 2 р. 50 к. и 10 р., от группы содействия 27 р. 50 к. (в том числе от XX 15 руб.), итого 171 р. 88 к. — Московским представителем получено за сентябрь: из Москвы 47 р. 50 к., из Вятки 65 р., из стол. Поволжья 30 р., из Н.-Новгорода 55 р., итого 197 р. 50 к. — Южным отделом организации получено от Харьковского Комитета 25 руб., за литературу 12 руб.

Кольцовым получено: из Миттв. за лит. 15 фр., из Льежа 10.70 фр., за «Искру» от инженера 13.50, на изд. Туна (с реферата) 9 фр., от д-ра Б. за литер. 25 фр., из Вены 10.50 фр., всего 83.70 фр. От Парижской группы 395 фр. Из Л. 12.50 фр., из Цюриха 30.70 фр., из Дг. 50 мар., из Дармштадта «от не-социал-демократов» 8 марок.

Редакция «Зари» просит нас сообщить, что 3 (16) декабря выходит № 2—3 «Зари» следующего содержания:

Что же дальше? Г. Плеханова. — Почему мы не хотим идти назад? Ортодокса. — Гонители земства и Аннибалы либерализма. Т. П. — Критика наших критиков. Г. Плеханова. — Социал-демократия как носительница национального освобождения. Ю. Невзорова. — Всегда в меньшинстве. О современных задачах русской социалистической интеллигенции. Л. Мартова. — Сант против Канта или Духовное завещание г. Бернштейна. Г. Плеханова. — Современная весталка. (Из этюдов о современной журналистике.) Ст. — Гг «критики» в аграрном вопросе. Н. Ленина. — Элементы идеализма в социализме. В. Засулич. — Библиография. — Внутреннее обозрение. Т. Х. — Любекский партийтаг германской социал-демократии. Ignotus. — Обращение социалистического международного секретариата. — Стр. 428. Цена 3 рубля.

«Искра» будет теперь выходить два раза в месяц (разумеется, если не встретится непредвидимых препятствий) в объеме от одного до полутора печатных листов.

Следующий номер выйдет 20 декабря.

Типография «Искры».

## ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. Народники-пропагандисты («Чайковцы» и др.) озаменовали 1874-й год («сумасшедший» год) таким массовым наплывом революционной интеллигенции в крестьянскую среду (по всей России, за исключением Сибири, Кавказа и северных губерний), какого не знали ни предыдущие, ни последующие периоды народнического движения. Полное отсутствие осторожности и конспирации со стороны революционеров помогло тогдашней полиции без труда «ликвидировать» это движение. Было арестовано в охваченных «хождением в народ» губерниях несколько тысяч человек, но многих пришлось выпустить на волю. Осталось, по словам официального документа (записки графа Палена), привлеченных к дознанию в качестве обвиняемых — 770 человек (612 мужчин и 158 женщин). Из них на скамью подсудимых, обвиняемых по 2-й части 250 и 251 ст.ст. улож. о наказаниях, было посажено 193. Пока в течение нескольких лет готовился процесс 193-х, на поверхность жизни всплывали новые «заговоры» (особенного внимания заслуживает организация в Москве, в связи с возвращением из Швейцарии по требованию правительства студенток, принесших с собою новую разводку революционных бацилл. Разгром этой организации привел к процессу 50-ти в 1877 году).

Прим. 2. По воспоминаниям Плеханова, на Казанскую демонстрацию 1876 г. рабочих пришло 200—250 человек. Большинство демонстрантов состояло из интеллигентов. Для массы нераспропагандированных еще рабочих демонстрация могла быть только интересным, невиданным зрелищем. Для многих из этой массы малопонятной оказалась и надпись на выкинутом во время демонстрации красном знамени: «Земля и Воля», ибо предполагалось, что «Воля» уже дана была в 1861 г. Первая атака полицейских была успешно отбита демонстрантами, которые, увлекшись преследованием «неприятеля» и натолкнувшись на новые кадры полицейских, были окружены полицией, при чем очень многие после жестокой схватки были арестованы. Попавшим на скамью подсудимых рабочим был вынесен сравнительно мягкий приговор (правительство из тактических соображений решило щадить рабочих), с подсудимыми же из интеллигенции царские судьи расправились очень круто.

Прим. 3. Мария Ветрова, посаженная в Петропавловскую крепость, по слухам, подверглась грубому насилию со стороны производившего дознание жандарма и покончила с собою самоубийством.

Прим. 4. Князь Святополк-Мирский пользовался в либеральных сферах репутацией администратора, склонного к смягчению самодержавного режима. После убийства Плеве он был назначен перепуганным царем на должность министра внутренних дел в качестве живого доказательства того, что с этого момента открывается новая «эра доверия» правительства к обществу—«весна». В конце его министерской карьеры имело место кровавое 9-е января 1905 г.

Прим. 5. Высказанные здесь мысли об отношении «стихийности» к «сознательности» могут послужить прекрасным комментарием к тем цитатам из «Что делать?» Ленина, которые приводились Мартыновым, Плехановым, Рязановым и другими полемистами, не одобрявшими основных положений автора «Что делать?» по вопросу о связи стихийного рабочего движения и революционной идеологии рабочего класса. Ленин никогда не отрицал, что «сознательность» (т. е. в данном случае научный социализм) выросла на почве сложившихся в капиталистическом обществе производственных отношений и на основе классовой борьбы между пролетариатом и капиталистами. Но он настаивал на том, что революционная сознательность, поднимающая стихийное движение на высшую ступень развития, участвует в качестве одного из факторов, «определяющих взаимодействие среды и элементов».

Обещанная в конце статьи брошюра и есть «Что делать?» Ленина.